





Салли Колин-Джеймс

ОДНА  
СВЕРКАЮЩАЯ  
НИТЬ



INSPIRIA

Москва  
2024

УДК 821.111-31(94)  
ББК 84(8Авс)-44  
К60

Sally Colin-James  
ONE ILLUMINED THREAD

Copyright © Sally Colin-James 2023

Published by arrangement with Bold Type Agency Pty Ltd, Australia

Перевод с английского *Веры Соломахиной*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© bwiravadee28, Abstract the studio / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

### **Колин-Джеймс, Салли.**

К60

Одна сверкающая нить / Салли Колин-Джеймс ;  
[перевод с английского В. Соломахиной]. — Мо-  
сква : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-193161-2

Хеврон, 41 г. до н.э. Элишева мечтает о ребенке, но становится изгоем, когда у нее не получается забеременеть. Вопреки всем условностям и запретам, она осваивает стеклодувное искусство. Элишева убеждена, что оно поможет воплотить в жизнь ее мечту.

Флоренция, 1500-е гг. Антония – одаренный колорист. Ее цель – создать идеальную белую краску. Распутный муж-художник оставляет Антонию без гроша в кармане. И теперь она изо всех сил пытается найти способ прокормить себя и маленького сына.

Аделаида, 2018 г. Доктор Рид – талантливый реставратор. Опустошенная потерей, она отчаянно пытается вернуть контроль над своей жизнью. Однажды ей в руки попадает фрагмент гобелена. Стежок за стежком, Рид погружается в историю двух женщин: Святой Елизаветы и Девы Марии.

УДК 821.111-31(94)  
ББК 84(8Авс)-44

© Соломахина В., перевод на русский  
язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-193161-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Любовь моя,  
через сколько жизней  
встретились наши сердца?  
Сколько еще впереди?  
Но все равно мало.*



## О книге

**Х**отя роман «Одна сверкающая нить» — художественное произведение, я написала его под впечатлением реальной биографии жены художника, жившего в эпоху Возрождения, и двух женщин на его известной картине. В этом выдуманном повествовании описываются исторические и библейские сюжеты. Однако художественная вольность в изображении персонажей и выборе времени для изобретений и событий — это приглашение присоединиться ко мне в продолжающемся — и, на мой взгляд, бесценном — исследовании того, что мы думаем, что знаем о себе, друг о друге и нашей жизни.

Арамейский считается языком, на котором говорили в период событий в Эйн-Кереме. Что касается названий и мест, обратитесь к глоссарию и примечаниям к переводу в конце книги.



# ЧАСТЬ 1

ЕСЛИ БЫ НЕ ТЕНЬ, ПОНЯТЬ ФОРМУ ТЕЛ  
В МЕЛЬЧАЙШИХ ПОДРОБНОСТЯХ БЫЛО  
БЫ НЕВОЗМОЖНО.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ



# Глава 1

АДЕЛАИДА,  
ОСЕНЬ 2018 ГОДА

Девушка в зеркале смотрит на меня не моргая.  
Моргать больно.

По щекам отражения струятся слезы, и я сжимаюсь от желания разделить его боль. Ты же должна была знать. Почему ты не предусмотрела подобного?

Хоть она моя точная копия, это не я, — пытаюсь убедить себя.

Я тяну руку к девушке в зеркале, касаюсь кончиком пальца лилового пятна под глазом. Прохладное стекло не дает ощутить жар плоти. Глаз почти не закрывается — такая нежная там кожа. Черный канал слезной борозды будет заживать дольше всего. Кожа здесь хрупкая, в сосудах. Как папиросная бумага — того и гляди лопнет.

Пространство между нами закрывают тени ванной комнаты. Я отдергиваю руку и нащупываю выключатель голой лампочки.

*Fiat lux.* Да будет свет.

Зеркало словно рама обрамляет лицо девушки. Подкрашивая кисточкой веки, я рассматриваю ее, словно произведение искусства. Внимательно, меняя ракурс. Удерживая ту невидимую натянутую нить

между смотрящим и видимым, пока подбираю нужные слова. Чтобы понять.

«Искусство живет в неволе и погибает на свободе», — писал Леонардо.

Девушка в зеркале — произведение искусства. В отличие от меня ей никогда не обрести свободу.

Убираю кисти. Закручиваю волосы наверх и закрепляю разными заколками.

Закрываю глаза и распыляю лак для волос.

Снова нащупываю выключатель.

*Fiant tenebrae.* Да будет тьма.

Когда я открываю глаза, той девушки больше нет. Есть я.

Выхожу на улицу, и фонари гаснут. На платанах суеются птицы, медленно кружат золотистые листья. В этом году осень теплая, и деревья припозднилились с красками. В воздухе листья кажутся невесомыми, но в руке ощущаются плотными и крупными — больше ладони. Я подбираю двадцать ярких, как солнце, листьев и прячу их в сумку, потом в два раза больше малиновых, помельче, от сумаха, заполонившего один из заросших садов перед выстроившимися в ряд невысокими домиками. Столько же блестящих фиолетовых листьев от соседней декоративной сливы. Это материал, из которого я создам произведения искусства — юбки для дерева, чтобы закрыть место, где ствол встречается с землей.

Осенние кольца из желтых, красных и фиолетовых листьев предназначены для великана-эвкалипта в парке Варнпанга в Северной Аделаиде. Занятие меня успокаивает, укрепляет нервы, и я жду его с нетерпением.

Я вешаю сумку на плечо и достаю большой конверт формата А4. Прохожу короткий переулок и сворачиваю направо. В конце улицы почтовый ящик. Ладонь потеет, и свежие чернила адреса отпечатываются на коже. Можно было послать заявку по электронной почте, но отправка обычной дает мне время смириться с результатом.

Я подталкиваю толстый конверт к щели почтового ящика, пытаюсь протолкнуть его внутрь. Металлический зажим, скрепляющий бумаги, цепляется и ломается. Кожу покалывает, капельки пота нарушают тщательную завесу макияжа. Я выдергиваю конверт и обмахиваю лицо. Рядом с галереей есть большой почтовый ящик. Когда я ухожу, накатывает волна стыда, и я слышу девушку в зеркале.

«Ты даже треклятое письмо отправить не можешь».



У служебного входа в Художественную галерею Аделаиды грудь пронзает тревожная боль. Сегодня пятьдесят пятый день, как я здесь работаю, но каждый раз иду как впервые. Я поднимаюсь по ступенькам.

Пять вещей я вижу...

Радужные суетливые воробьи, лилли-пилли — вечнозеленая вишня, нити испещренной росой паутины между ярко-зелеными листьями, пушистый шарик одуванчика, истертый коврик у двери.

Четыре чувствую...

Ключ в одной руке, конверт — в другой, ремешок сумки давит на плечо, открытая застежка-липучка натирает бедро.

Выпрямившись, я касаюсь ключом панели.

Три слышу...

Гул машин с Северной террасы, шлепанье кроссовок утренних бегунов по тротуару, небрежный щелчок, когда открывается замок.

Два запаха ловит нос...

В художественной галерее запах преднамеренно нейтральный. Если отели и бутики стремятся к фирменным ароматам, музеи и галереи предпочитают, чтобы запахи не мешали любоваться произведениями искусства. Иногда меня беспокоит, что они этого добиваются. Раньше я мало знала о тяге к запахам, о связи запахов, эмоций и памяти. Например, по запаху можно найти утерянное. Когда-то я тщательно стирала футболки и шорты, школьные штаны, простыни, засаленные наволочки, полотенца, носки и шапочки, воротя нос от запаха пота, жира, травы, земли и ободранных коленок, вымывая его, словно желая никогда больше не находить все это.

Первая врач-психиатр предложила вспомнить о приятных ароматах. Не осталось ли у меня каких-либо старинных книг от бабушки и дедушки? Не помню ли я цветы из детства, которые можно посадить, сорвать, поставить в вазу?

«Запах прежней жизни», — сказала она, нарушая правило, которое установила для меня: придерживаться конкретных вещей, а не расплывчатых понятий. Под «прежней» она имела в виду жизнь до того стука в дверь. Стук руки с ногтями, блестящими изумрудно-зеленым лаком, заставил меня задуматься, подходит ли этот цвет полицейскому, посланному сообщить новости, которые не дай бог услышать ни одной матери.

Я прохожу по коридору, автоматически включая лампы над головой. Открыв кабинет, вдыхаю аромат

кедра и воска. Кедром пахнет от японского табурета для ванны, который я выписала из Киото, а древесной смолой и медом — от свечей из Тасмании.

И одно ощущаю на вкус...

Воспоминание. Дикий мед. Блестящий и капающий с упавшего треснувшего дерева. В Квинсленде мы гуляли по тропическому лесу. Сыну тогда было четыре годика, он мчался вперед на разведку; помню ручонки, испачканные медом, — он тянул их прямо в рот. Восторг, когда он предложил мне облизать его пальчики. Безмолвное восхищение, когда мы наблюдали, как крошечные дикие пчелы восстанавливают поврежденный улей. Вкус нектара и карамели на языке.

Я кладу разорванный конверт на стол и беру распечатку — это фотография вышивки, датируемой семнадцатым веком, с которой предстоит работать, — она потребует моего реставраторского мастерства. Вышивке почти четыреста лет, нашли ее в трухлявой водосточной трубе сарая уже не существующего поместья, и, несмотря на состояние ткани, я увидела редкую и замечательную красоту. Наша начальница, Трис, внимательно выслушала мою оценку и упорно боролась за то, чтобы приобрести вышивку для галереи. В тот день, когда мы ее получили, Трис оставила меня наедине с изделием.

Дала мне время и место его распаковать, осмотреть и посмаковать. Насладиться странной близостью и благоговением, которое реставратор испытывает, рассматривая историческую реликвию.

Я представляю себе вышивальщицу семнадцатого века, сидящую на обитом тканью стуле, в туго затянутом под лифом корсете. Вышивка натянута в пальцах